

СОЦИАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ К. МАРКСА И ЕЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ

А. В. Барковская

Белорусский государственный университет,
факультет философии и социальных наук,
ул. Кальварийская 9, 220004, Минск, Республика Беларусь
e-mail: barkovskaja2@gmail.com

В статье рассматриваются основные положения социальной онтологии К. Маркса, в рамках которой он анализирует природу общественного бытия, определяет его детерминанты. Последующая реконструкция проекта социальной онтологии К. Маркса, экспликация иных оснований общества предпринята в «западном марксизме в контексте историцистского (А. Грамши) и онтологистского (Д. Лукач) направлений.

Ключевые слова: социальная онтология; общественное бытие; общественное сознание; сетевое общество; культура.

K. MARX'S SOCIAL ONTOLOGY AND ITS ALTERNATIVES

A. V. Barkovskaja

Belarusian State University,
Faculty of Philosophy and Social Science,
Kalvariskaja Str. 9, 220004, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: barkovskaja2@gmail.com

In the article, the main provisions of Marx's social ontology are examined, within the framework of which he analyzes the nature of social being, determines its determinants. The subsequent reconstruction of the social Marxist ontology project, the explication of other foundations of society, was undertaken in "Western Marxism in the context of the historicist (A. Gramsci) and ontological (D. Lukacs) directions.

Keywords: social ontology; social being; public consciousness; network society; culture.

К. Маркс – это мыслитель, которого история вписала в свои анналы, о чем и свидетельствует человеческая память о нем. И, спустя 200 лет, не забыто ни его имя, ни его вклад в историю мировой культуры и философии. И, сегодня, в интеллектуальном пространстве интерес к творчеству К. Маркса не убывает, видимо, по той причине, что оно «действительно принесло плоды» (Ф. Энгельс). Именно Энгельс, как его друг и соратник, убеждал всех в том, что в новом направлении, образовавшемся после разложения гегелевской школы и связанное главным образом с его именем, «впервые действительно серьезно отнеслись к материалистическому мировоззрению». Он «стоял выше, видел дальше, обозревал больше и быстрее всех нас. Маркс был гений, мы, в лучшем случае, – таланты». Без него наша теория далеко не была бы теперь тем, что она есть. Поэтому она по праву носит его имя» [9, с. 36-37]. На этой платформе и поныне стоят многие апологеты марксистской

теории, для которых она стала символом правды, рупором истины, а сам ее основатель – «рыцарем без страха и упрека», авторитетной личностью, идеи которой не подвластны времени, они, как и рукописи, не горят, не подвержены «тлению».

Однако проблема не в абсолютной приверженности идеям Маркса, а в их мумификации и канонизации, за которой нивелируется аутентичность их содержательной эвристики и возможность рецепции в современный социокультурный контекст. Любая догматизация, как известно, узаконивает нефальсифицируемость онтологических положений, претендующих на статус истинных, а невозможность их верификации не позволяет им утвердиться в качестве таковых. Тем самым социальная теория Маркса превращается в застывшую форму и ее онтологические основания остаются неизменными, независимо от динамики развития реальных обществ, т.е. анализ социальной реальности, как сказал бы Н. Гартман, методологически не связывается с ее временностью, процессностью и индивидуальностью.

В этой связи нельзя не вспомнить тот факт, что сам Маркс, по его словам, испытывал «отвращение ко всякому культу личности», поэтому «никогда не допускал до огласки многочисленные обращения, в которых признавались его заслуги», а, наоборот, «никогда не отвечал на них, разве только изредка за них отчитывал». И в тайное общество союза коммунистов он вступил при условии, что «из устава будет выброшено все, что содействует суеверному преклонению перед авторитетами...» [5, с. 241].

Действительно, такая позиция оправдана, т.к. Маркс отдает себе отчет в том, что любая теория – не догма в силу ее далеко не бесконечных возможностей функционирования, как бы интенсивно не перестраивалось ее концептуальное ядро вследствие объяснения и предсказания новых фактов в сферах природного или социального бытия.

Тем не менее, ему не удалось избежать догматизации всех базовых положений и принципов своего социального проекта, что впоследствии привело к тому, что не только идеологические противники, но и недавние интерпретаторы и апологеты марксизма со всей партийной решительностью готовы были предать все анафеме. Парадокс ситуации заключался в том, что именно те, кто не читал его труды, не разобрался в сути его социальной теории и методологии ее практической реализации, первыми готовы были санкционировать расправу над былым кумиром. Эксплуатация имени Маркса, его тезисов, фразеологии и т.д. привели к отождествлению аутентичного Маркса с множеством разного рода «марксизмов», что стирало демаркационную линию между собственно марксизмом и не-марксизмом. По мнению В. И. Толстых, уже «с момента появления марксизма, его становления за ним тенью следует его вульгарная маска, упрощенная и пошлая форма, заставившая однажды Маркса сказать, что он – «не марксист»» [8, с. 21].

В связи с этим, возникший на волне перестройки, вопрос: Умер ли марксизм? – вполне был закономерен. Да, собственно, и сегодня подлинное прочтение Маркса интересует далеко не всех: гораздо проще, например, апеллировать к «квазисакральной» (С. А. Мндоянц) «пятичленной» схеме формационного деления истории из сталинского краткого курса «Истории ВКП (б)», которая и поныне транслируется из учебника в учебник по философии, чем заглянуть в тексты автора. При этом не учитывается, что у Маркса отсутствует понятие «первобытная формация» и в принципе он не придавал универсальный смысл категории «формация» по причине анализа только европейской истории. Он пояснял, что «понимание истории заключается в том, чтобы, исходя именно из материального производства непосредственной жизни, рассмотреть реальный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения – т.е. гражданское общество на его различных ступенях – как основу всей истории ...» [6, с. 3].

Поэтому, объясняя закономерности исторического развития общества на основе формационного подхода, К. Маркс выделял три эпохи всемирной истории, критерием которых выступает форма собственности, – античную, феодальную и буржуазную, представляющие собой этапы прогресса общественной экономической формации. Ей предшествуют архаические, доклассовые общества, основанные, по Марксу, на «первой форме собственности – племенной». В конечном итоге буржуазную эпоху, где капиталистическое производство предполагает, что собственность на условия осуществления труда отделена от рабочих, сменяет путем социальной революции коммунистическая формация с ее общей собственностью на средства производства. Правда, у Маркса использовались и иные критерии формационного деления, например, классовой структуры, что позволило ему выделить доклассовое, классовое и возможное бесклассовое общество.

К. Маркс, эксплицируя природу социального в целом, его специфику и механизмы функционирования, уже задавал контуры социальной онтологии, хотя и не использовал данное понятие, поскольку она еще только находится в стадии конституирования. Этот факт не лишает нас возможности говорить о социальной онтологии К. Маркса, хотя бы на том основании, что он стремился выявить единую субстанциальную матрицу общественной жизни. В зависимости от последней, можно было выделить формации исторического процесса, описать их качественные характеристики, раскрыть природу соответствующих им форм собственности и в принципе продемонстрировать преемственность исторического процесса. Фактически он занимался реконструкцией исторического опыта жизнедеятельности людей и форм их совместного бытия, что является предпосылкой формирования социальной онтологии. По сути, социальная онтология предполагает как рефлексивный, так и

валюативный тип философствования, связанный с осмыслением ряда базовых вопросов: «какова специфика социального?», «что определяет целостность общества как такового?», «куда движется человечество и что есть та реальность, в которой оно пребывает?» и т.п. Ответы на эти вопросы позволяют идентифицировать социальную реальность как сферу жизненного мира людей. Специфика этой реальности определяется, как известно, не только объективными, но и субъективными факторами, поскольку организуется субъектом социальной деятельности. К тому же социальная реальность тотально пронизана ценностями, поскольку человек в ней живет. Все это указывает на то, что социум не только сложная, но и неоднозначная реальность.

Специфика марксовской онтологии проявляется в его интерпретации социальной реальности, как качественно отличной, от других видов бытия. Поэтому общество понимается в качестве особой надиндивидуальной реальности, подчиняющейся объективным социальным законам, исследование которых возможно только на основании адекватных им методов. По Марксу, тип социальности детерминируется характером социально-экономических отношений между людьми в процессе их трудовой деятельности. В этой связи, он акцентирует внимание, в первую очередь, на безличных общественных отношениях, которые не выводятся из личностных свойств реально действующих индивидов, т.е. принимает парадигму социального реализма, исходящей из примата целого над частным. При этом акцентировано подчеркивалось, что главной целью его реконструкции является обоснование идеи, что производство и воспроизводство материальных условий жизни является исходным пунктом и основной причиной всего исторического процесса. А диалектика производительных сил и производственных отношений составляет суть материального производства и определяет основы общественного развития. Совокупность производственных отношений составляет реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Отсюда вывод, что сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием, а бытие людей есть реальный процесс их жизни. В таком случае бытие диалектически раскрывается в процессе производственной деятельности людей и, по сути, совпадает с общественным бытием.

Маркс, как известно, критиковал не только своих предшественников, но и современников за логические схемы и спекулятивные рассуждения. Однако в его работах появился ряд новых категорий – «способ производства», «производительные силы», «форма собственности», «общественные отношения», «общественно-экономическая формация», «экономический базис», «общественное бытие», «общественное сознание» и др., которые не в меньшей степени спекулятивны, чем критикуемые. Естественно, у аналитиков возник вопрос: «Почему же Маркс

разрабатывает новые категории?» Сам Маркс разъясняет эту ситуацию следующим образом: «Предпосылки, с которых мы начинаем, – не произвольны, они – не догмы; это – действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью. Таким образом, предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем» [7, с. 18]. Такой комментарий Маркса означает, как полагают, что он создает новое материалистическое учение об обществе, и ему нужны такие категории, которые адекватно отражают реалии исторического процесса и вместе с тем служат инструментом познания этого процесса. Тем самым он разрабатывает не только новые категории, но и «создает» новое поле анализа общества как целостного образования. Это новое поле и есть сама социальная действительность [См.:1].

Маркс, действительно, стремился уйти от любых умозрительных построений, в которых отсутствует конкретно-исторический анализ событий. Поэтому спекулятивность и догматизм прежней онтологии созерцания Маркс преодолевает введением концепта практики, поэтому для него «исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса... Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» [6, с. 5]. Эту позицию он убедительно обосновал в стихотворной форме: «...Этот мир мне дан, но он не создан мной!/Земной ли камень, горный ли эфир –/Все – цепи, что на нас набросил этот мир!/Быть должен мной рожден, возвращен моей рукою...» (Искал). В этом проявляется новоевропейский принцип активизма и деятельности, рационализм эпохи Просвещения, в соответствии с которыми дается обоснование проекта преобразования социального и природного бытия. В данном случае бытие понимается не как сущее, а как должное, т.е. мир должен быть таким, каким мы его хотим создать. Впоследствии М. Хайдеггер скажет, что вопрос о Бытии – не вопрос Маркса, поскольку оно им мыслится как природа, которой нужно овладеть и управлять. Понятие бытия у Маркса используется в предельно широком смысле, т.к. охватывает сферы материального (природные объекты, феномены человеческой и общественной жизни) и идеального бытия (явления духовной жизни человека и общества – их чувства, настроения, мысли, идеи, теории).

Итак, Маркс заложил фундамент социальной онтологии, в рамках которой предложил свою схему критического и диалектического анализа субстанциальных оснований современного ему общества. Но уже в 20-х годах XX формируется «западный марксизм», основоположниками которого признаны Антонио Грамши, Георг Лукач, Бенедетто Кроче и др., которые предложили, отличные от проекта Маркса, варианты социальной

онтологии. Не вдаваясь в глубины их творчества, акцентируем внимание только на тех положениях и их обоснованиях, которые касаются социальной онтологии.

Для А. Грамши, в первую очередь, Маркс значим как автор трудов по конкретным политическим и историческим вопросам, а тезисы о Фейербахе подняли его на вершину философской позиции по сравнению с вульгарным материализмом. Сам Грамши, развивая идеи философии практики, как и Маркс, не приемлет спекулятивный характер философских построений. Вместе с тем, он считает, что если эту тему рассматривать «исторически», то обнаруживается, что «каждая культура проходит через спекулятивный и религиозный момент. ... Однако критика должна выразить эти спекулятивные суждения в собственных реальных формах политической идеологии – орудия практического действия» [2, с. 64].

А. Грамши обвиняет Б. Кроче в том, что его философия ««спекулятивная» и как таковая развивает трансцендентность и теологию, пользуясь языком истории». Кроче пишет, что «экономическая структура является как бы скрытым божеством философии *практики*, но это было бы правильным, лишь в том случае, если бы философия *практики* была спекулятивной, а не являлась бы воплощением абсолютного историзма, очищенного... от всяких трансцендентальных и теологических наслоений» [3, с. 227-228]. Итак, для Грамши аутентичный марксизм – это и есть философия практики, которая должна рассматривать все события, включая и человека, в процессе их становления и изменения.

Но в отличие от Маркса, он выстраивает свою онтологию на основаниях культуры, куда им вписывается и сам марксизм, как ее продукт. А социалистическая революция, согласно Грамши, разрешает не только все противоречия между трудом и капиталом, но и выводит культуру, политику и т.д. на качественно иной уровень. Как представитель историцистского направления в неомарксизме, он придает особое значение культурным, интеллектуальным и моральным факторам, определяющим общественную динамику. Однако Грамши считает, что этого можно достичь только путем предварительной критической работы по интериоризации культурного наследия и его импликации в современный контекст экономических, социальных, культурных и др. проблем. Поскольку ни пролетариат, ни крестьянство такую работу осуществить не могут, то осуществить это должна интеллигенция. В этой связи Грамши пишет, что его интересуют четыре темы, а именно: «исследование об итальянской интеллигенции, о ее происхождении, ее группировках в соответствии с существовавшими культурными течениями, о ее различных воззрениях и т. д.» [3, с. 30]. Ответы на эти вопросы ему важны с целью «углубить понятие государства» и «уяснить некоторые аспекты исторического развития итальянского народа». Вместе с тем, замечает Грамши, только после возникновения первых конфликтов между государством и церковью, с появлением юрисдикционализма (XVIII в.)

стало возможным говорить о становлении национальной итальянской интеллигенции, а до того времени, она была космолитической и осуществляла анациональную роль [3, с. 156-157]. В итоге культурологический и историцистский контексты проекта социальной онтологии Грамши придают ему особый статус в структурах марксистской традиции.

Немаловажное значение в западном марксизме имеет позиция Дьердя Лукача, которую обозначают как онтологистскую. Сама его работа «К онтологии общественного бытия» им номинирована в качестве философской онтологии марксизма. Онтология Маркса, на его взгляд, не имеет завершенной архитектоники, хотя он и создал целостную концепцию бытия. Необходимость «определить сущность и своеобразие общественного бытия» диктуется не только желанием вернуть онтологии былое величие, но и положить конец господству в философском мышлении теории познания, логики и методологии науки.

Еще в 20-х годах в работе «История и классовое сознание. Исследования о марксистской диалектике» он сформулировал основные мировоззренческие и методологические принципы социальной диалектики. Специфика его позиции проявилась в том, что он теоретические построения Гегеля истолковывал в духе базовых идей и категорий «Капитала» К. Маркса. Тем самым диалектическая концепция Лукача приобрела явный социально-практический контекст. В более поздних период Лукач, учитывая опыт социальных трансформаций, его взгляды эволюционировали, хотя приверженность социалистической идеи сохранилась. Аргументом ему служило то, что социализм как форма общественного устройства способен ликвидировать отчуждение. А критическое переосмысление теории и практики социализма, его освобождение от сталинского догматизма позволят возродить истинный метод и истинную онтологию Маркса. С их помощью станет «...возможным не только научно точный исторический анализ общественного развития за период после смерти Маркса», но и «в духе Маркса понять и истолковать бытие в целом как в основе своей исторический (необратимый) процесс [4, с. 157].

Развивая социальную онтологию на марксистских принципах, Лукач актуализирует всеобщие проблемы бытия, как проблемы «взаимосвязи и различия трех великих родов бытия (неорганической, органической природы и общества). Не поняв их взаимосвязь, их динамику, нельзя правильно сформулировать никакой истинно онтологический вопрос относительно общественного бытия». Соответственно, он утверждает, что сосуществование этих родов бытия, с учетом их взаимодействия и существенного различия, «является, следовательно, неизменной основой всякого общественного бытия, и без признания этого столь многогранного базиса как основного факта невозможно никакое познание мира, никакое самопознание человека». Более того, любая практика человека

формируется на этой бытийной основе, которая с «необходимостью является неустранимым исходным пунктом всякого и всякого человеческого мышления, ибо оно в конечном счете ... исходит из этой практики и возникло для того, чтобы управлять ею, модифицировать ее, укреплять и т.д.» [4, с. 35-36]. Тем самым, он резюмирует, что роль онтологии и в истории человеческого мышления, и в современном его состоянии конкретно определена бытийным характером самого человеческого бытия. Сам характер онтологических рассуждений Лукача лежит в плоскости постметафизической философии. К сожалению, работа в области социальной онтологии им не была завершена, но в целом онтологический каркас был достаточно прочным.

Тема социального бытия не ограничивается приведенными проектами, поскольку она всегда своевременна, ведь жизнь людей не стоит на месте. Сегодня уже размышляют о сетевом обществе, представляющем собой новую модель социального устройства. Это говорит о том, что социальная онтология связана с осмыслением принципиально иных вопросов, касающихся природы сетевого общества, статуса «сетевого» человека, способов его существования в сетевой реальности и т.д. Соответственно методология осмысления социального, осуществленная Марксом, несомненно, может оказаться эффективной и при создании современного формата социальной онтологии, несмотря на их временную дистанцию.

Библиографические ссылки

1. Гобозов, И. А. Парадигмальный характер материалистического понимания истории // Карл Маркс и современная философия. – М.: ИФ РАН, 1999. – С. 102-114.
2. Грамши, А.. Тюремные тетради/ А. Грамши. Избранные произведения в трех томах. Т.3. – М.: Изд-во Иностранной литературы, 1959. – 571 с.
3. Грамши, А. Письма из тюрьмы/ А. Грамши. Избранные произведения в трех томах. Т.2. – М.: Изд-во Иностранной литературы, 1957. – 315 с.
4. Лукач, Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены/Д. Лукач. – М.: Прогресс, 1991. – 412 с.
5. Маркс, К. Письмо В. Блосу, 10 ноября 1877 г./К. Маркс/ Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. Т. 34. – М.: Изд-во Политической литературы, 1955-1974 гг. – С. 241.
6. Маркс, К., Энгельс, Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений/ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения в трех томах. – Т.1. – М.: Изд-во Политической литературы, 1970. – с. 2-43
7. Маркс, К., Энгельс, Ф. Немецкая идеология/ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. – Т.3. – М.: Изд-во Политической литературы, 1955.
8. Умер ли марксизм? (Материалы дискуссии) // Вопросы философии. –1990. –№ 10. – С. 19-22.
9. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии/Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1979. – 55 с.